

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**ГОРЯЧЕЕ
БЕЛОЕ
МОРЕ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Горячее Белое море / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2026. — 368 с.

ISBN 978-5-04-242331-4 (Исторические детективы Николая Свечина).

ISBN 978-5-04-242333-8 (Сыщики и воры. Исторические детективы Николая Свечина).

Лето 1916 года.

Пока на фронтах идет кровопролитная война, на Русском Севере зреет опасность иного рода.

В Архангельске и на Мурмане, где строится стратегическая железная дорога, среди десятков тысяч военнопленных скрываются германские агенты. Они попали в плен не случайно: их задача — собирать секретные сведения, организовывать побег, готовить диверсии и бить по русскому тылу изнутри.

Раскрыть вражескую сеть поручено статскому советнику Алексею Лыкову. Нужно не просто поймать шпионов, но раскрыть каналы связи врага. Следы ведут в порт, лагеря, жандармские управления и туда, где у полярной границы сходятся три государства. Лыкову придется действовать быстро и осторожно: противник умен, дисциплинирован и умеет скрываться. А цена неудачи слишком высока — под ударом окажутся стратегическая дорога, морские перевозки и безопасность всего Русского Севера.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242331-4
ISBN 978-5-04-242333-8

© Свечин Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Автор благодарит за помощь при написании
этой книги
архангелогородцев Дмитрия Коржева
и Георгия Гудим-Левковича,
а также мурманчанина Александра Попова

ГЛАВА 1.

Разговоры, предчувствия, ожидания

Капитан Николай Лыков-Нефедьев сидел в буфете первого класса станции Витебск и с удовольствием цедил горячий чай. В последнее время железные дороги империи начали давать сбой: то поезд опоздает на несколько часов, то в буфете не окажется свежей провизии, и некому предъявить претензию... Здесь же, в Витебске, все было, как до войны: чисто, аккуратно, по мирному уютно. И чай правильный, и оловянный подстаканник начищен до блеска. Хорошо...

Разведчик пробирался в Царскую ставку с личным посланием комкава Юденича наштаверху

♦ Комкав —
командующий
Кавказской
армией.
Наштаверх —
начальник шта-
ба Верховного
Главногокоман-
дующего.

Алексееву♦. Когда командующий вручал офицеру письмо, то сказал:

— Никому! Только лично в руки его высокопревосходительству.

— Слушаюсь. Дождаться ответа?

— Желательно. Если, конечно, он найдет это возможным. Человек занятой — вся война на нем висит. Спросите его, можно ли рассчитывать на ответ в разумных пределах. Если Михаил Васильевич ответит, что перегружен и ответа придется ждать долго, возвращайтесь в армию.

Капитан опять прильнул губами к стакану и блаженно зажмурился. И место он выбрал удачное! За печкой, которую, понятно, в июле не топили, зато она закрывала кавказского гонца от посторонних глаз. Кто-то невидимый за углом печи тоже хлебал чай и что-то жевал. Вдруг этот человек сказал вполголоса:

— Мвака!

Николай даже подскочил. «Мвака» было их домашнее, семейное слово, означавшее вкусную еду. На всем белом свете его теперь знали лишь три человека: брат Павел, сестра Шурочка и отец. Сестра жила в Париже и никак не могла оказаться в вокзальном буфете в Витебске. Да и голос мужской. Брат или отец? Капитан высунулся и оказался нос к носу с Павлукой. Тот сидел с таким же чайным стаканом в руке и уписывал колоссальный бутерброд с ветчиной.

— Брюшкин! Ты как тут оказался?

Тот немедленно отреагировал:

— Капитан Чунеев!♦ Как вы разговариваете с подполковником? Под арест отправлю!

Братья обнялись. Николка через секунду отстригся: точно, на плечах у Брюшкина красовались новые погоны с двумя просветами и тремя звездочками. Во дает!

— Быстрое у вас на Западном чинопроизводство. У нас, на Кавказском, радуйся, что не разжаловали.

— Воевать надо лучше, — съязвил Павлука. — Примерно, как мы с Эвертом♦♦. Хочешь половину бутерброда?

— Да ну его. Лучше скажи, когда присвоили?

— Вчера в Могилеве объявили приказ. Дядя Витя лично погоны вручал.

Генерал-майор Таубе уже второй год состоял в Ставке представителем ГУГШ♦♦♦ по вопросам разведки. А Ставка квартировала в Могилеве.

Братья сели друг напротив друга и продолжили расспросы. Младший в чине спросил старшего:

— Отца там не видел? Он из Гагр поехал в Могилев, отчитываться по нашей операции♦♦♦♦.

— Целые сутки вместе провели, — ответил подполковник. — С отчетом возникли проблемы. Принц Ольденбургский потребовал арестовать тех, кто посмел очернить его друзей-шпионов. И отца вместе с Азвестопуло сочли за лучшее спрятать на время от

♦ Брюшкин — семейное прозвище Павла, Чунеев — Николая Лыковых-Нефедьевых.

♦♦ А.Е. Эверт — главнокомандующий армией Западного фронта, на котором воевал Павел.

♦♦♦ См. книгу «Тайна мыса Пицунда».

♦♦♦♦ См. книгу «Кубанский огонь».

августейшего гнева, с какой целью командировали к черту на кулички, на этот раз за полярный круг.

— Ох... Из пальм в сугробы?

— Да. С Черного моря на Белое, на Мурман и в Архангельск. Там...

Павел понизил голос до крайности:

— Там тоже цирлих-манирлих, еще хуже, чем на Черном море. Совсем шпионы распоясались. Отца посылают их приструнить.

Тут в буфет зашел старший кондуктор могилевского поезда, на который пересаживался Чунеев, и объявил, что через пять минут они отправляются. Братья торопливо простились, и капитан направился в свой вагон.

Через сутки он представлялся барону Таубе. Виктор Рейнгольдович стал сокрушаться:

— Тут у меня было паломничество Лыковых. Сначала твой папаша, потом брат, теперь ты. Собрать бы вас всех вместе, а? И посидеть, покалякать, винца попить... Когда только эта чертова война кончится?

— А в самом деле, дядя Витя, когда? Ты генерал, тебе виднее.

— Кончится, когда всем надоеет убивать друг друга.

Генерал встал напротив окна, бросил взгляд на Днепр.

— Течет и течет и еще тысячи лет будет течь. Мудро задумано природой. А мы, люди, дураки. Нам все требуется проливать кровь, жечь, стрелять, взрывать... Пятнадцать с лишним миллионов русских мужиков взято под ружье. Представляешь, Николай? Целое государство среднего калибра, наподобие Сербии. Резня им уже до смерти надоела, извини за дурной каламбур. Ребятам хочется домой, землю пахать. Но никто их не отпустит, потому что кучка идиотов мечтает о Проливах. Не могут они спать спокойно, пока не завладеют Босфором и Дарданеллами.

Виктор Рейнгольдович говорил раздражительно, от сердца. Чунеев невольно поежился. Чувствовалось, что генерал смотрит в будущее почти с отчаянием.

— Страшно тебе? — спросил вдруг старый разведчик молодого.

— Пока нет. Мы еще можем драться и можем победить.

— Юность бесшабашная... Победить мы уже не можем. И мне давно уже страшно, Николка. Когда народ сорвется с цепи и начнет все крушить, вспомни этот разговор. И успеи, прошу тебя, вовремя спрятаться, не лезь на рожон. Их уже не оставишь, береги свою голову.

— Не понимаю. Народ сорвется с цепи? Вы это о революции?

— О ней. Только многие плохо понимают, что такое революция по-русски. Пушкин понимал и боялся бунта бессмысленного и беспощадного. Девятьсот пятый год что показал? Озверение, взаимное озверение. Только их больше, чем нас. И теперь у них винтовки, пятнадцать миллионов заряженных винтовок. Ребята помнят про Кровавое воскресенье, про Ходынку, про гигантское имущественное неравенство. А тут еще мы, командиры, научили их убивать. Научили и приучили. Поэтому мне страшно.

— И что делать, дядя Витя?

— Поделать ничего нельзя, мой мальчик. Остается ждать.

— Жить со страхом в душе?

— Да. Этот страх, постоянная готовность к худшему могут спасти того, кто от ужаса защищен своей сильной волей. Знает, опасается, но его не парализовало, как других. Из людей подобного склада вырастут новые вожди. Прапорщики и поручики проскочат в командующие дивизиями и армиями. Когда начнется гражданская война и русские придут убивать русских.

— И...

— И это возможно уже через год, много два. Николая Александровича Романова попросят очистить трон. Недалекие политики думают, что этим и закончится революция. Они станут властью, после чего Россия сразу оздоровится. Идиоты...

Таубе вдруг осекся и резко сменил тему:

— Дай мне письмо Юденича, я вручу его нашта-
верху.

— Николай Николаевич приказал мне передать
письмо лично в руки.

— Раз так, пойдем вместе к Алексееву.

Они спустились из кабинета барона на первый
этаж. В приемной сидели и стояли несколько гене-
ралов и старших офицеров, они негромко перего-
варивались.

— Кто у него? — спросил Таубе адъютанта.

— Великий князь Александр Михайлович. Уже
час сидит, вон какую очередь собрал...

К удивлению Николки, барон спокойно, как име-
ющий на это полное право, зашел в кабинет нашта-
верха без доклада. Через минуту он вышел и сооб-
щил капитану вполголоса:

— Приказано тебе быть здесь через три часа.
Есть время пообедать.

Разведчики отправились подкрепиться. Таубе
рассказал гостю, что теперь у жителей Царской
Ставки есть выбор. Когда главковерхом был вели-
кий князь Николай Николаевич, «мозг армии» на-
поминал мужской монастырь. Людей было мало,
каждый занимался своим делом, женщины не допу-
скались, как и развлечения. Когда взялся командо-
вать государь, все быстро поменялось. Сам пример-
ный семьянин, он охотно разрешал семейным чи-

нам Ставки вызвать в Могилев своих жен. Лучшие квартиры губернского города мигом оказались разобраны. Жены организовали салоны и создали запрос на увеселительные заведения. За полгода правления государя в Могилеве появились два театра, первоклассный ресторан, три новые гостиницы с хорошими буфетами и даже кафе-шантан. Теперь вечерняя жизнь была ключом. Из отданной немцам Варшавы прикатили дорогие проститутки и скрасили быт холостякам...

— Но мы с тобой поедим в нашей столовой, — подвел итог своей лекции барон. — В ресторане кормят чуть лучше, зато там не поговоришь. Дым коромыслом.

Столовая для офицеров и военных чиновников помещалась неподалеку. Виктор Рейнгольдович провел капитана в генеральский зал, где в этот час было пусто. Официант принес карту, Таубе не стал показывать ее гостю, а сразу заказал на правах завсегдатая:

— Зразы «Нельсон», ботвинью с белугой и беф-брезе самаритен.

— Еще бы супчику... — скромно добавил Николка.

— Суп «Мари-Луиз», — подхватил генерал. — Ну и сам знаешь, чего еще.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — ответил официант и мигом притащил бутылку коньяка «Барбаресо».

Капитан смутился:

— Мне же потом идти к наштаверху... А запах?

Генерал ответил:

— По две рюмки перед обедом пьет государь. Значит, и нам можно. За три часа запах успеет выветриться.

Военные угощались не спеша. Виктор Рейнгольдович понимал, что сын его друга хочет знать из первых рук важнейшие новости. Не каждый день кавказцы попадают в Ставку... Он сообщил о планах главного командования на второе полугодие. Первая половина 1916 года сперва не дала русским ничего, кроме огромных потерь. Но летом выручил Брусилов: Юго-Западный фронт под его началом погнал австрийцев обратно к Карпатам. Огромное количество пленных, гигантские трофеи, забытая уже эйфория в тылу. Газеты захлебывались от восторга, общественные настроения напоминали первые дни войны — все ждали победы на юге, чтобы перенести затем удары на Берлин.

— Так вот, все это ерунда, — огорошил генерал капитана. — Австро-Венгрию мы из боя не выведем — Германия не позволит. Сейчас Брусилов наткнется на Ковель, и победные реляции сразу закончатся. С войсками Кайзеррайха воевать у нас покуда кишка тонка. В том числе и у Алексея Алексеевича ♦.

— И чем закончится наш успех?

— Сотнями тысяч убитых в очередной раз.

♦ Брусилов
Алексей
Алексеевич.

♦♦ Германия,
Австро-
Венгрия,
Турция
и Болгария —
противники
Антанты.

— То есть мы не сможем победить Четверной союз♦♦?

— Почему? Сможем, если война продлится еще год-полтора.

— Дядя Витя, объясни дураку с далекого Кавказа, почему войне не продлиться еще год-полтора? Совокупность ресурсов России и ее союзников намного превосходит потенциал наших противников. По численности населения, например, нас в четыре раза больше, чем в Центральных державах. Войну на истощение мы безусловно выиграем.

— Ты прав, Чунеев. Прав в теории, с головой у тебя все в порядке. Но есть факторы, которые ты не учиываешь. Усталость армии, например. Или жеребьевку общинных земель.

Лыков-Нефедьев недоуменно вскинул брови:

— При чем тут это?

— Очень даже при чем, — пояснил Таубе. — Реформы Столыпина в сельском хозяйстве забуксовали, ему не удалось разрушить общину. Больше половины крестьянских владений до сих пор принадлежит мужикам на птичьих правах. Всем — значит никому конкретно. Как правило, раз в двенадцать лет мирской сход перераспределяет наделы. Там ведь есть плохая земля, есть среднего качества и есть хорошая. За хорошую всегда идет драка, вожди общины жульничают, объегоривают своих

менее сообразительных товарищей. Очередная всероссийская жеребьевка предстоит в следующем году, весной. А тут мобилизация, кто послабее, угодил в окопы. Из кулаков значительная часть словчила, купила подложные справки о болезнях или пристроилась в разные комитеты помощи фронту. Смикитил уже?

— Мужики на фронте чувствуют себя обманутыми? Полагаете, они перестанут воевать, попросятся домой, чтобы лично горлопанить на сходе?

— А ты не иронизируй над этой темой, — одернул генерал капитана. — Весьма серьезная она и болезненная для главного в стране сословия. А от Петрограда до линии фронта всего четыреста верст. Если дать слабину, тевтоны быстро ею воспользуются. Причем солдатики с отчаяния могут не домой побежать, а в плен. В Германии сейчас два с половиной миллиона пленных Антанты. Из них две трети — русские!

Николай начал горячиться:

— Кто же отпустит мужиков с фронта в военное время? За дезертирство накажут по всей строгости. Власть достаточно сильна для того, чтобы поддерживать дисциплину.

— Ты хоть знаешь, сколько уже сейчас в России дезертиров?

— Ну... много, надо полагать.

Таубе посмотрел лютым волком: